Годъ тридцать второй.

Русскій Архивъ

1894

1.

Къ этому выпуску приложена „Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя тридцать лѣтъ“ (1863—1892).

☛ «Роспись, имѣющая свой счетъ страницъ и свою обертку, можетъ быть отдѣлена и переплетена особо.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1894.

„РУССКІЙ АРХИВЪ"

Въ 1894 году «Русскій Архивъ» останется вѣренъ назначенію исторіографическаго изданія—сохранять для потомства существенныя черты минувшаго, въ тщательномъ собираніи живыхъ и яркихъ показаній о судьбахъ нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, и при томъ отдастъ предпочтеніе содержательнымъ и вѣскимъ свидѣтельствамъ, какъ отдаленной, такъ и недавней старины, передъ легкимъ анекдотомъ, сознавая однако, что иногда краткое указаніе или мелкое по видимому извѣстіе бываетъ цѣннѣе обширной статьи.

Съ бодростью вступаемъ въ тридцать второй годъ издательской работы, оживляемые сочувствіемъ и одобреніемъ нашихъ соотечественниковъ, и будемъ, по прежнему, по мѣрѣ силъ, расчищать ниву отечественной исторіографіи, отыскивая новыя повѣствованія о завѣтной старинѣ, обновляя въ памяти забытыя событія и лица и новыми розысканіями установляя болѣе правильное воззрѣніе на то что́ уже было извѣстно.

Историческое освѣщеніе минувшаго получило въ нашъ вѣкъ великую важность. Оно сказывается даже при самомъ простомъ подборѣ матеріаловъ, и отъ того, какъ смотритъ издатель на свою работу, зависитъ часто самое содержаніе его книжекъ. Наша дѣятельность протекала между двумя направленіями Московской печати: связанные пріязнью съ И. С. Аксаковымъ, мы въ тоже время сохраняли неизмѣнное уваженіе къ трудамъ М. Н. Каткова, нашего профессора и наставника. Но историческія занятія страхуютъ отъ одностороннихъ увлеченій. Неизмѣннымъ свѣточемъ былъ и остается для насъ А. С. Хомяковъ, а примѣромъ усердія ко благому просвѣщенію и къ преуспѣянію родины—М. П. Погодинъ.

П. Б.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

1894.

1.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

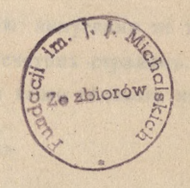
О вспомни свой удѣлъ высокой,
Былое въ сердцѣ допроси!..

Хомяковъ.

1894.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1894.

К. К. ПАВЛОВА.

Въ Славянскомъ деревенькѣ Гостервицѣ, близъ Дрездена, скончалась 2 Декабря 1893 года Каролина Карловна Павлова. Въ «Русскомъ Архивѣ» 1875 (III, 222) помѣщены ея любопытныя Воспоминанія (къ сожалѣнію относящіяся лишь къ ея дѣтству), изъ которыхъ видно, что она родилась 10 Іюля 1807 года *), въ Ярославлѣ. По отцу и матери была она Нѣмка; но съ ранняго дѣтства и почти до 50-лѣтняго возраста прожила она въ Москвѣ, гдѣ ея отецъ Карлъ Андреевичъ Янишъ былъ профессоромъ физики и химіи въ тогдашней знаменитой Медико-хирургической Академіи. Съ дѣтскихъ лѣтъ она была окружена ученостью и, будучи единственною дочерью, получила многостороннее образованіе. Природа не дала ей красоты физической, за то щедро надѣлила способностями, и въ особенности къ языкамъ. Она изумляла своею памятью и начитанностью и, будучи еще отроковицею, занималась словесностью на трехъ-четырехъ языкахъ. Когда провожали изъ Москвы Мицкевича, она читала ему хвалебные стихи. Гумбольдтъ, проѣздомъ черезъ Москву на Уралъ, удивлялся ея дарованіямъ и находилъ удовольствіе въ ея бесѣдѣ, что̀ дало поводъ къ пародіи на извѣстные стихи «Бахчисарайскаго Фонтана»:

Но тотъ блаженнѣй, Каролина,
Кто, брилліанты полюбя,
За ними ѣздилъ изъ Берлина,
И встрѣтилъ вдругъ въ Москвѣ тебя.

Передъ тѣмъ Каролина Карловна напечатала свои Нѣмецкіе переводы изъ Русскихъ поэтовъ особою книжкою подъ названіемъ Nordlicht (Сѣверный Свѣтъ), и эта книжка заслужила ей лестный отзывъ самого патріарха Нѣмецкой поэзіи Гёте, который, довольно коротко познакомившись съ Жуковскимъ въ 1827 году, началъ съ любопытствомъ относиться къ поэзіи Славянскихъ народовъ, послалъ Пушкину перо свое и занимался Сербскими пѣснями. Восторженность

*) А не 1810-го, какъ означено въ некрологической статьѣ о ней, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", гдѣ перечислены и ея печатныя произведенія. П. Б.

даровитой дѣвицы доходила до чрезмѣрности. Въ Москвѣ Каролина Карловна долго принадлежала къ кружку Елагиныхъ, Кирѣевскихъ, Хомякова, Языкова, который восхвалялъ ее за то, что

Ей дался языкъ нашъ чудный,
Метальный, звонкій, самогудный,
Разгульный, меткій нашъ языкъ...

И дѣйствительно, К. К. Павлова мастерски владѣла Русскимъ языкомъ. Стихотворство было ея страстію. Въ 1842 году она писала:

Была пора,
Нужнѣй насущнаго мнѣ хлѣба
Казалась звучныхъ риѳмъ игра

Въ 1858 году случилось намъ провести съ нею нѣсколько дней въ Дрезденѣ; можно было сказать, что стихи, свои и чужіе, не сходили съ ея устъ, и она какъ будто не задавалась вопросомъ Пушкина:

Но дорожить
Одними ль звуками піитъ?

Каролина Карловна долго не выходила замужъ. Кажется, про нее Баратынскій писалъ:

Чтò риѳмы, вздоръ!
Надъ риѳмами смѣются.
Уносятъ ихъ Летійскія струи,
На пальчикахъ чернила остаются.

Около 1830 года родители ея получили большое наслѣдство. Она стала богатою невѣстою, и состоялся бракъ ея съ бездѣтнымъ вдовцомъ Николаемъ Филиповичемъ Павловымъ *) который около этого времени получилъ большую извѣстность своею книжкою «Три повѣсти» (*Ятаганъ* и др.). Домъ Павловыхъ сдѣлался мѣстомъ собранія писателей, друзей словесности и просвѣщенія. Тамъ часто бывали и Грановскій, и Хомяковъ. Даровитая чета жила въ полномъ благополучіи, въ собственномъ домѣ на Рождественскомъ бульварѣ (нынѣ Матерна). Про это время Каролина Карловна впослѣдствіи вспоминала въ прекрасномъ стихотвореніи своемъ «Венеція»:

---

*) Н. Ф. Павловъ и сестра его Четверикова были дѣти Грузинки, привезенной графомъ Валерьяномъ Зубовымъ изъ Персидскаго похода. Воспитывался Павловъ въ Московскомъ Театральномъ училищѣ, и покойная О. С. Аксакова сказывала намъ, что за обѣдами у директора театра Ѳ. Ѳ. Кокошкина онъ стаивалъ за ея стуломъ съ тарелкою въ рукѣ. Изъ актеровъ поступилъ онъ на службу въ Губернское Правленіе. Его необыкновенныя дарованія выдвинули его впередъ, и первая супруга его была родомъ княжна. Слѣдовало бы собрать его немногія, но цѣнныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Онъ умеръ въ Москвѣ 29 Марта 1864. П. Б.

Несутся видѣнія роемъ.
То грустнаго счастья пора...
И домъ тотъ съ уютнымъ покоемъ,
И тихіе тѣ вечера.
И вновь разыгралися бредни,
Какъ будто бъ шли да̀ромъ года,
Какъ будто случилось намедни
Все то что̀ случилось тогда.

Случилась семейная размолвка. Супругъ Каролины Карловны разстроилъ ея денежныя дѣла, и ей пришлось, какъ говорила она намъ, жить уже не *двойною*, а тройною жизнью, спасая достояніе для престарѣлыхъ родителей и для сына Ипполита [1]). Потребовалось вмѣшательство графа Закревскаго. Н. Ф. Павловъ подвергся тюремному заключенію за долги, и тогда-то написана извѣстная эпиграмма Соболевскаго:

Ахъ, куда ни взглянешь,
Все любви могила...

Затѣмъ, въ началѣ 1853 года Павловъ, былъ высланъ на нѣсколько мѣсяцевъ изъ Москвы въ Пермь за найденныя у него запрещенныя книги, которыя послужили графу Закревскому предлогомъ къ такой крутой мѣрѣ, оскорбившей тогдашнюю умственную Москву [2]). По возвращеніи изъ ссылки, въ самоутѣшеніе, сравнилъ онъ себя съ утвердившимся тогда во Франціи Людовикомъ-Наполеономъ:

Онъ вытерпѣлъ всю горечь срама,
Насилье, по міру трезвонъ,
И посидѣвъ въ заклепахъ Гама.
Сѣлъ на Французскій тронъ...

Послѣ этой прискорбной исторіи, разошедшись съ мужемъ, Каролина Карловна переселилась въ Петербургъ, гдѣ пользовалась вниманіемъ великой княгини Елены Павловны, назначившей ей пожизненную пенсію. Потомъ она жила въ Дерптѣ, въ Константинополѣ, въ Италіи, и наконецъ основалась въ Дрезденѣ. Графъ А. К. Толстой, историческія драмы котораго въ ея переводѣ имѣли успѣхъ на Нѣмецкомъ театрѣ, исходатайствовалъ ей пенсію и отъ царственнаго друга своей молодости. Изрѣдка присылала она стихи и статьи въ «Русскій Вѣстникъ», въ Аксаковскій «День» и въ другія изданія. Мы помнимъ, какъ трогательно для людей, ее знавшихъ, прозвучало ея обращеніе къ собственному стиху:

---

[1]) Впослѣдствіи искусный преподаватель, критикъ и переводчикъ въ стихахъ и прозѣ. Онъ скончался 23 Августа 1882 г. П. Б.

[2]) Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1893, № 140, напечатаны письма къ нему въ Пермь отъ Грановскаго, Хомякова, Шевырева и Кошелева. П. Б.

Ты, уцѣлѣвшій въ сердцѣ нищемъ,
Привѣтъ тебѣ, мой грустный стихъ,
Мой свѣтлый лучъ надъ пепелищемъ
Блаженствъ и радостей моихъ!
Одно, чего и святотатство
Коснуться въ храмѣ не могло,
Моя напасть, мое богатство,
Мое святое ремесло.

Мы увѣрены, что она продолжала много писать до глубокой старости. Есть извѣстіе, что еще въ позапрошломъ году она сама приготовила къ изданію полное собраніе своихъ сочиненій и передала рукопись молодому стихотворцу Дмитрію Ипполитовичу Павлову. Такая вѣрность избранному съ молодости поприщу достойна уваженія и доброй памяти, и нельзя не пожелать, чтобы изданы были въ свѣтъ сочиненія К. К. Павловой. Въ этомъ изданіи конечно найдутъ себѣ мѣсто и не попадавшія доселѣ въ печать эпиграммы, которыя она сообщала намъ въ Дрезденѣ. Приводимъ изъ нихъ одну:

За деньги лгать и клясться рада
Ты, какъ безбожнѣйшій торгашъ.
За деньги измѣнишь гдѣ надо,
За деньги душу ты продашь.
Не вѣришь ты, что, взявъ ихъ груду,
Быть можетъ совѣсть не чиста,
И ты за то клянешь Іуду,
Что онъ продешевилъ Христа.

Лучшимъ произведеніемъ К. К. Павловой, конечно, былъ романъ, въ прозѣ и стихахъ подъ названіемъ «Двойная Жизнь», написанный въ 1846—1847 году и появившійся въ Москвѣ въ 1848 году. Въ предисловіи къ отрывкамъ изъ «Двойной Жизни», напечатаннымъ въ «Московскомъ Сборникѣ» 1846 го года, читаемъ:

„Въ прозѣ разсказывается внѣшняя, свѣтская, пустая жизнь, окружающая молодую дѣвицу, героиню поэмы. Въ стихахъ выражается внутренній голосъ души ея, ею несознаваемый, ею невѣдомый, но всегда сопровождающій эту внѣшность, которая не въ силахъ его подавить. Раздвоеніе жизни вполнѣ выражается въ содержаніи и формѣ произведенія: глубина воззрѣнія на жизнь, такъ совершенно въ немъ осуществленная, представляетъ самую жизнь въ размѣрахъ великихъ; ибо внутренняя ея сторона, выраженная въ стихотворной части, такъ же истинна, можно сказать, такъ же дѣйствительна, какъ и внѣшняя, мелочная, условная, такъ вѣрно изображенная въ прозаическомъ разсказѣ. Высоко современно и, при общемъ своемъ значеніи, вмѣстѣ вполнѣ національно это произведеніе. Раскрывая таинства души человѣка, оно изображаетъ нашу жизнь, ея настоящее раздвоеніе, мелочность и пошлость, гнетущую пустоту и условность внѣшнихъ формъ, принятыхъ нашимъ же обществомъ, и вмѣстѣ представляетъ способность этой же самой жизни, при

всей своей пошлости, при всей своей видимой и истинной оторванности отъ жизни общей, раскрывать хотя бы въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ души, хотя бы только во снѣ, такую духовность, такую высокую борьбу, такую истину и любовь, какими безсознательно, хотя въ мечтахъ своихъ, исполняется душа героини. Вездѣ въ этомъ произведеніи слышится тоска нашей жизни, тоска извнѣ, тоска внутри: извнѣ ничтожная, ни къ чему не ведущая; а внутри тоска сердечная, высказывающая потребность лучшаго, служащая залогомъ лучшаго. Намъ представляется картина жизни грустная, но полная надеждъ. Это произведеніе, взятое само, какъ явленіе жизни, внушаетъ вѣру въ эту жизнь, его вызвавшую, и свидѣтельствуетъ лучше всего о силѣ Русскаго духа, о могучести Русскаго языка».

Эти строки писаны вѣроятно однимъ изъ братьевъ Аксаковыхъ. Ими же вѣроятно внушенъ ей „Разговоръ въ Кремлѣ“, который она посвятила сыну своему и напечатала отдѣльною тетрадкою въ Петербургѣ въ 1854 году. Кто сильнѣе и звучнѣе писалъ о нашемъ Кремлѣ? Въ нѣкоторыхъ строфахъ точно будто переложены вдохновенныя рѣчи К. С. Аксакова.

Вы станьте здѣсь, среди Россіи,
Когда въ торжественной ночи
Звучатъ священныя литіи,
Блестятъ несмѣтные лучи;
Когда облита моремъ свѣта,
Молитвой теплою полна,—
Мгновеніемъ вся площадь эта
Въ Господній храмъ обращена.

***

Когда для вѣсти благодатной
Отверзлись царскіе врата,—
И радостно вельможа знатный
Цалуетъ нищаго въ уста,
И снова возносясь и снова,
Вездѣ отъ долу до небесъ,
Гремитъ одно святое слово,
Одинъ возгласъ: Христосъ Воскресъ!

За одни эти стихи Москвѣ не позабыть Каролину Карловну Павлову.

П. Б.

(Петр. Бартенев

„РУССКІЙ АРХИВЪ" выходитъ двѣнадцатью выпусками въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный указатель личныхъ именъ въ концѣ третьей книги—общій для всего годоваго изданія.

